

УДК 81
ББК 81.2 Англ-5

Н.Б. Боева-Омелечко

**КОНФЛИКТОГЕННЫЙ
ПОТЕНЦИАЛ
РЕЧЕВОГО АКТА
ВОПРОСА**

Актуальность данной статьи обусловлена интересом конфликтологии к проблеме предотвращения и деинтенсификации конфликтов. Лингвистический аспект этой проблемы предполагает, в частности, выявление спектра вербальных маркеров-конфликтогенов, к числу которых относится вопрос, функционирующий в рамках некооперативного дискурса и реализующий макростратегию антивежливости. Однако конфликтогенный потенциал вопроса ещё не служил объектом специального исследования. В работе выявляются типы вопросов, выступающих в качестве стартовых точек или катализаторов конфликта, а также описываются их иллюкутивные цели и реализуемые с их помощью речевые стратегии.

Ключевые слова: *вопрос, конфликт, некооперативный дискурс, речевая стратегия, речевой акт вопроса, антивежливость.*

DOI 10.23683/1995-0640-2019-1-67-75

Боева-Омелечко Наталья Борисовна – докт. филол. наук, профессор кафедры теории и практики английского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: 8-903-401-34-41
E-mail: boeva1961@yandex.ru

© Боева-Омелечко Н.Б., 2019.

К числу приоритетных научных парадигм относится конфликтология – наука, изучающая причины, особенности и закономерности возникновения, развития и функционирования конфликта. Под последним понимается «наиболее острый способ разрешения значимых противоречий, возникающих в процессе социального взаимодействия, заключающийся в противодействии субъектов конфликта и обычно сопровождающийся негативными эмоциями и чувствами, переживаемыми ими по отношению друг к другу» [Анцупов, Прошанов, 1997, с. 3]. Для субъектов конфликта характерна враждебность, т.е. «социальная установка на конфликтное взаимодействие, готовность к конфликтному поведению» [Дадян, 2012, с. 17]. Как правило, межличностный конфликт имеет крайне негативные последствия для его участников, поскольку вызывает крайне негативные эмоции, ненависть и вражду. Поэтому проблема предотвращения и деинтенсификации конфликтов находится в центре внимания конфликтологии. Лингвистический аспект предотвращения конфликта предполагает, в частности, выявление спектра вербальных маркеров-конфликтогенов, которые «являются основной движущей силой, запускающей механизм конфликтного дискурса в рабочее состояние» [Белоус, 2008, с. 10]. К числу таких конфликтогенов может относиться и вопрос, функционирующий в рамках некооперативного дискурса, основанного «на конфронтации,

доминировании говорящего, нарушении норм вежливости» [Боева-Омелечко, 2015, с. 87].

Однако конфликтогенный потенциал вопроса ещё не служил объектом специального исследования, что и обуславливает актуальность данной работы. Её цель состоит в описании типов вопросов, выступающих в качестве регулятивов-«искр» и регулятивов-«пламя» (термины Н. А. Белоус [Белоус, 2008, с. 20]) в конфликтном дискурсе, т.е. выступающих стартовой точкой конфликта или его катализатора.

Говоря о конфликтогенном потенциале вопроса, необходимо, на наш взгляд, прежде всего отметить, что вопрос с позиций прагмалингвистики представляет собой речевой акт, который, как и любой другой речевой акт, может быть как прямым, так и косвенным. Цель прямого речевого акта вопроса заключается в заполнении лакуны в знаниях говорящего. Последний побуждает адресата сообщить необходимую информацию. Однако очень часто вопросительное по форме предложение имеет совершенно иные цели, т.е. выступает в качестве косвенного речевого акта, «при совершении которого его иллокутивный тип не совпадает с действительным коммуникативным намерением говорящего» [Матвеева, Ленец, Петрова, 2013, с. 2014].

Прямой вопрос может явиться конфликтогеном, если он задаётся в неуместной ситуации или грубо нарушает зону личной автономии адресата, что особенно болезненно воспринимается в дистантной англосаксонской лингвокультуре, в которой право человека на личное пространство (*privacy*), куда посторонним вход воспрещён, является важнейшей коммуникативной ценностью [Джиоева, 2014, с. 42 – 43]. Вопросы о личной жизни, возрасте, размере дохода, планах на будущее и подобные могут вызвать агрессию адресата, если он не хочет оглашать соответствующую информацию. Например:

(1) ***'Do you love him?'***

The smile died of her lips.

'He's my husband'.

'That doesn't answer my question!'

'That was a question you had no right to ask' (W. Smith).

Вопрос возлюбленного о её чувствах к мужу воспринимается женщиной как недопустимое вмешательство в зону её личной автономии, на что она достаточно резко указывает мужчине.

Подобного рода вопросы, которые можно определить как бестактные, могут вызвать ещё более грубую реакцию:

(2) ***'Have you been wearing that dress all day?'***

'What business is it of yours?' (A. Scott).

(3) ***'I saw pictures of yachts on the table. Are you planning to buy one?'***

'That's none of your business' (S. Sheldon).

Конфликтогенным потенциалом обладает и вопрос-намёк, произнося который говорящий отчётливо намекает адресату, что ему известны о нём определённые сведения, которые адресат тщательно скрывает. Подобные вопросы типичны для полицейских и следователей по отно-

шению к подозреваемым и могут вызвать психологический шок у последних. Реакцией может стать как признание, так и уклонение от ответа или агрессия, типичные для конфликта. Так, в следующем примере полицейский обращается с казалось бы невинным вопросом к садовнику, на самом деле отчётливо намекая ему о своей информированности о том, что основной доход садовника – распространение наркотиков:

(4) *The chief of the police leaned back in his chair. 'So how come you are a gardener?'*

'I happen to love nature.'

'What else do you happen to love?'

'I don't understand' (W. Smith).

Прямой речевой акт вопроса ещё в большей мере способствует разжиганию конфликта, если в его состав входит грубая и даже обценная реплика, демонстрирующая неуважение к собеседнику. Как правило, это слова, сопровождаемые в словарях пометами «бранное», «неодобрение», «презрительное», «уничижительное» и т.д. Например:

(5) *'Where **the fuck** were you?'*

'What difference does it make?' (D. Steel).

(6) *'What **the hell** are you doing here?'*

'It's none of your business!' (S. Sheldon).

Во всех приведённых примерах прямой речевой акт вопроса служит толчком к началу или продолжению либо этикетного конфликта, если он не соответствует нормам вежливости определённой культуры, либо информационного конфликта, при котором «один из коммуникантов хочет получить правдивую информацию, а второй уклоняется от ответа, отвечает не по существу или лжёт, вызывая недовольство или гнев первого» [Дадян, 2012, с. 87]. В рамках данного конфликта адресат прибегает к стратегии коммуникативного саботажа, игнорируя содержание предшествующей реплики и вступая в противодействие с первым коммуникантом.

Однако ещё более широк спектр косвенных речевых актов-конфликтогенов, имеющих разнообразные иллокутивные цели. В этом случае вопросы не предполагают ответа, а являются средством оформления следующих типов речевых актов:

- **побуждения**, относящегося к ликоущемляющим актам (face-threatening acts), наносящим ущерб лицу [Brown, Levinson, 1987] и вызывающим протест со стороны адресата. Вопрос в некооперативном дискурсе может содержать грубое побуждение-намёк, несмотря на косвенность формы выражения побуждения. Например:

(7) *'Do you know, where **the door** is?'* (W. Smith).

(8) *'You know your way, **don't you?**'* (Ed. Mc Bain).

В данных примерах говорящие недвусмысленно указывают адресатам на дверь, побуждая их немедленно покинуть дом. Подобные речевые акты чрезвычайно невежливы и выражают неуважение к собеседнику.

Их конфликтогенный потенциал возрастает, если к значению побуждения прибавляется прагматический оттенок **угрозы**, т.е. имеет ме-

сто синкретичный косвенный речевой акт. Так, в следующем примере отец-миллиардер, привыкший к беспрекословному подчинению, с помощью подобного вопроса пытается заставить свою дочь-модельера надеть на вечеринку платье, которое она специально изготовила крайне плохо для очередной любовницы отца:

(9) *'By the way, my girlfriend can't make it Saturday, so you're going to be my date and you're going to wear that dress.'*

'No!'

And then the terrible phrase: 'You don't want to disappoint me, do you?'

And she had gone, not daring to change the dress (S. Sheldon).

Дочь подчиняется воле отца, что не устраняет конфликта, который из открытого переходит в латентный, не становясь от этого менее болезненным для его жертвы, которая испытывает гнев и обиду.

Резким побуждением в некооперативном дискурсе могут служить эллиптические вопросительные предложения типа *Yes? Well?*, произносимые с соответствующей значимой фонацией. Так, в следующем примере герой хочет услышать объяснения по поводу сложившейся ситуации от своей родственницы и побуждает её дать их с помощью вопроса указанного типа:

(10) *'I knew you helped, yes, he agreed, but not to this extent or at this hour!'*

He chewed his lip, looking across at Melanie. 'Well?' he said accusingly (A. Mather);

- **обвинения, упрёка.** Под последним понимается неудовольствие, неодобрение или обвинение, высказанное кому-то. Говорящий при этом реализует тактику морального подавления оппонента. Например:

(11) *'Can't you see you scared her?'* (W. Smith);

(12) *His father stood in the doorway **furiously**. 'Who told you you could sit behind the desk?'*

Часто значение упрёка передаётся риторическими вопросами с модальным глаголом *dare*. Например:

(13) *'How **dared** you come here?'* (D. Steel).

Данный вопрос-упрёк обращён герою, пришедшему в дом другого героя без разрешения. Говорящий глубоко возмущён такой бестактностью.

(14) *'How **dare** you speak to me like this?' gasped Mrs. Mannering **furiously** (A. Mather).*

С помощью риторического вопроса миссис Маннеринг упрекает свою племянницу за допущенную ею дерзость, что провоцирует дальнейшее развитие конфликта.

Вопросы-упрёки могут начинаться и с устойчивого сочетания *How on earth*, демонстрирующего высокую степень негодования говорящего, агрессивный настрой которого передаётся адресату. Например:

(15) *'**How on earth** have you decided to do something like that?'* (D. Steel).

Упрёки могут быть выражены и с помощью вежливых по форме вопросов, начинающихся с сочетаний *Would you mind* и *Wouldn't it be an*

idea, что не делает их менее неприятными для адресата, т. е. не снижает их конфликтогенного потенциала. Например:

(16) **'Would you mind not using my toothpaste?'** (M. Ockenden) (=You might have bought your own toothpaste).

(17) **'Wouldn't it be an idea to buy your own soap?'** (M. Ockenden) (=You might have bought your own toothpaste).

Конечно, не исключено, что за упрёком последует извинение, но, как правило, упрёк задевает самолюбие и вызывает негативную реакцию адресата, что ведёт к конфликту;

- **угрозы**. Данные речевые акты, также реализующие тактику морального подавления оппонента, закономерно ведут к конфликту, поскольку адресат вынужден защищать себя и свои интересы. Так, в следующем примере герой, известный драматург, волей случая неожиданно оказавшийся в роли опекуна достаточно взрослой девушки, применяет угрозу по отношению к своей юной подопечной, вызывающую сопротивление и упрёки с её стороны:

(18) **'Do you want me to punish you?'**

«What possible punishment can you offer now? You've done everything it's in your power to do. You could confiscate my new clothes, of course, or forbid me to leave the house, but –

«Stop it!» (A. Mather).

Речевые акты побуждения, обвинения, упрёка, угрозы, имеющие форму вопроса, реализуют речевую **стратегию вербального насилия**, направленную на то, чтобы принудить адресата совершить действия против его воли;

- **негативной оценки** вплоть до оскорбления собеседника. Подобные речевые акты реализуют **стратегию дискредитации** собеседника, «направленную на снижение положительного образа адресата или третьего лица через его прямую или косвенную отрицательную оценку» [Дадян, 2012, 74]. Например:

(19) *'I'm buying this house.'*

'Are you nuts? Have you gone insane?'(D. Steel).

(20) *'Barbie? Why did you order this test? For the love of god, are you a real doctor or a doctor like doctor pepper is a doctor?'*(B. Lawrence).

(21) *'I've bought a new mansion. Do you think it is a good idea?'*

'What were you smoking when you decided to do it?' (S. Sheldon).

Негативная оценка может содержаться и в вопросе, адресованном не непосредственно объекту оценки, а третьему лицу, участвующему в разговоре. Такие побочные речевые акты «являются мощным и эффективным средством речевого воздействия на побочного адресата» [Боева-Омелечко, Науменко, 2016, с. 117].

Подобную косвенную оценку мы наблюдаем в пьесе Б. Шоу «Пигмалион», герой которой, профессор Хиггинс, задаёт вопросы, содержащие негативную оценку цветочницы Элизы, полковнику Пиккерингу. Хотя реплики не обращены непосредственно к Элизе, они естественно вызывают протест с её стороны. Например:

(22) HIGGINS. *Pickering: shall we ask **this baggage** to sit down or shall we throw her out of the window?*

THE FLOWER GIRL *[running away in terror to the piano, where she turns at bay] Ah-ah-ah-ow-ow-ow-oo! [Wounded and whimpering] **I won't be called a baggage** when I've offered to pay like any lady* (B. Shaw).

В подобных случаях, когда вопрос содержит оскорбления, речь идёт о реализации **инвективной стратегии**.

Конфликтогенным потенциалом обладают не только реплики-стимулы, провоцирующие конфликт, но и ответные реплики-реакции, имеющие форму вопроса и реализующие следующие иллокутивные цели:

- **упрёка**, целью которого является моральное подавление оппонента и который реализует стратегию вербального насилия. Так, в следующем примере с помощью вопроса подопечная упрекает своего опекуна за то, что он оставляет её со своими родственниками, чужими ей людьми, в поместье в деревне, а сам возвращается в город:

(23) *'You heard what I said, Dominie. I want you to stay here – at Grey Witches.'*

*'But why?' Dominie felt **indignant**. 'You were the only one who insisted I remained here with you... **Was that your intention all along? To bring me here and abandon me?**'* (A. Mather).

Конфликт разворачивается, героиня продолжает высказывать упреки опекуну, провоцирующие ответные упреки:

(24) *'How kind! Dominie's eyes flashed. How patronizing!'*

*'**Oh, what's got into you, Dominie?**' He exclaimed. 'What do you want me to say?'* (A. Mather);

- **неповиновения**, следующего за побуждением, которое затрагивает интересы объекта побуждения. Так, в следующем примере подопечная с помощью вопроса, произнесённого невежливым тоном, выражает нежелание разговаривать с опекуном, что вызывает его гнев и порождает конфликт. Например:

(25) *'I want to talk to you.'*

*Dominie sighed. '**Can't it wait?**' she asked **rudely**.*

*'No, damn you, it can't', he replied **angrily*** (A. Mather).

Неповиновение может выражаться с помощью переспросов и фразеологизированных вопросов. Например:

(26) *'You should stop it at once!'*

*'**Stop? What on earth for?**'* (W. Smith);

- **неповиновения с оттенком насмешки, издёвки**. Говорящий не только выражает нежелание что-либо делать, но и стремится нанести ущерб субъекту побуждения, дискредитировать его, как это имеет место в следующем примере, в котором герой не желает подчиняться требованиям своей гражданской жены о соблюдении приличий в общении с её заказчиками:

(27) *'I am just asking you to be polite with my clients, look decent and be discreet. You can wait to have a drink till they leave...'*

'Who do you think you are? he shouted at her. 'You are not my mother. I can do anything I want' (D. Steel);

- **уклонения от ответа**, являющегося разновидностью неповиновения и ведущего к информационному конфликту. Обычно такие речевые акты характеризуются как ответ вопросом на вопрос и рассматриваются как кооперативный провал [Вольф, 1985, с. 170]. С помощью подобных вопросов уклоняется от ответов полицейского садовник, упоминавшийся в примере 4.

(28) *'How long have you been gardening?'*

'Have any of my customers been complaining?'

'Just answer my question.'

'Maybe you have a little money on the side?'

'What do you...?'

'Theres a lot of Italians here. Do you ever do them some little favours?'

'What kind of favours?' (S. Sheldon);

- **прерывания контакта**. Адресат не просто уклоняется от ответа, а эксплицитно показывает своё нежелание отвечать на вопрос. Подобные речевые акты обычно следуют за неприятными для адресата вопросами или побуждениями. Например:

(29) *'Why did you invite her ag'ain?'*

'What difference does it make?' (W. Smith).

Речевые акты неповиновения, уклонения от ответа, прерывания контакта, имеющие форму вопроса, реализуют стратегию коммуникативного саботажа;

- **негативной оценки**. Эту цель часто реализуют вопросы-переспросы, содержащие имплицитное отрицание позитивной оценки, содержащейся в исходной реплике. Данные вопросы участвуют в реализации стратегии дискредитации. Например:

(30) *'I got a good mind to eighty six – A good mind? You?'* (R. Thomas).

В исходной реплике содержится положительная самооценка: герой уверен, что обладает хорошей для своего возраста памятью. Реплики-реакции, представленные эллиптическими предложениями, опровергают эту самооценку. Их автор, делая логическое ударение на слове *mind*, в иронической форме отрицает не только наличие у пожилого человека хорошей памяти, но и способности вообще хоть что-то запомнить.

Как следует из изложенного выше, конфликтогенным потенциалом обладают все коммуникативные типы вопросов английского языка, выступающие как в качестве реплик-стимулов, так и реплик-реакций. Все они участвуют в рамках некооперативного дискурса в реализации речевой макростратегии антивежливости, предполагающей нарушение норм этикета, выражение неуважения по отношению к собеседнику, стремление подчинить его интересы своим, обидеть или оскорбить. Составляющими этой стратегии выступают более частные стратегии: вербального насилия (речевые акты побуждения, угрозы, намёка, упрёка), коммуникативного саботажа (речевые акты неповиновения, уклонения от ответа, прерывания

контакта), дискредитации оппонента, а также инвективная стратегия (речевой акт оценки). Знание типов вопросов-конфликтогенов и их иллокутивных целей создаёт базу для изучения типов речевых актов, которые должны последовать за вопросами-конфликтогенами для нейтрализации их конфликтогенного потенциала и, таким образом, выходит в более широкую проблематику моделирования конфликтного взаимодействия.

Литература

Антупов А.Я., Прошанов С.Л. Конфликтология: междисциплинарный подход. М.: Дом Советов, 1997. 240 с.

Белоус Н.А. Конфликтный дискурс в коммуникативном пространстве: семантические и прагматические аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2008. 40 с.

Боева-Омелечко Н.Б. Вопрос как средство выражения стратегий вежливости и антивежливости в современном английском языке // Язык, культура, коммуникация: традиции и инновации. М.: Тезаурус, 2015. С. 85 – 88.

Боева-Омелечко Н.Б., Науменко М.Г. Трилог как форма коммуникации. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2016. 170 с.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 227 с.

Дадян С.Р. Конфликтный диалог в художественном произведении (на материале англоязычной художественной литературы XX – начала XXI в.): дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2012. 170 с.

Джиоева А.А. Англосаксонский менталитет сквозь призму английского языка. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2014. 150 с.

Матвеева Г.Г., Ленец А.В., Петрова Е.И. Основы прагмалингвистики. М.: Флинта: Наука, 2013. 232 с.

Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. 2nd ed. Cambridge: CUP, 1987. 348 p.

References

Antsupov A.Ya., Proshanov S.L. *Konfliktologiya: mezhdistsiplinarный podkhod*. M.: Dom Sovetov, 1997. 240 p. (In Russian).

Belous N.A. *Konfliktnyy diskurs v kommunikativnom prostranstve: semanticheskiye i pragmaticheskiye aspekty: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk*. Krasnodar, 2008. 40 p. (In Russian).

Boyeva-Omelechko N.B. Vopros kak sredstvo vyrazheniya strategiy vezhливости i antivezhливости v sovremennom angliyskom yazyke, *Yazyk, kul'tura, kommunikatsiya: traditsii i innovatsii*. M.: Tezaurus, 2015. Pp. 85-88. (In Russian).

Boyeva-Omelechko N.B., Naumenko M.G. *Trilog kak forma kommunikatsii*. Rostov n/D: Izd-vo YuFU, 2016. 170 p. (In Russian).

Vol'f E.M. *Funktional'naya semantika otsenki*. M.: Nauka, 1985. 227 p. (In Russian).

Dadyan S.R. *Konfliktnyy dialog v hudozhestvennom proizvedenii (na materiale angloyazychnoy khudozhestvennoy literatury XX – nachala XXI v.): dis. ... kand. filol. nauk*. Rostov n/D, 2012. 170 p. (In Russian).

Dzhioyeva A.A. *Anglosaksonskiy mentalitet skvoz' prizmu angliyskogo yazyka*. M.: Izd-vo Mosk. gos. un-ta, 2014. 150 p. (In Russian).

Matveyeva G.G., Lenets A.V., Petrova E.I. *Osnovy pragmalingvistiki*. M.: Flinta; Nauka, 2013. 232 p. (In Russian).

Brown P., Levinson S. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. 2nd ed. Cambridge: CUP, 1987. 348 p.

Natalya B. Boeva-Omelechko (Rostov-on-Don, Russian Federation)
Conflictogenic Potential of the Interrogative Speech Act

The article is topical due to the interest of conflictology to the problem of conflict prevention and de-intensification. The linguistic aspect of this problem presupposes, in particular, identification of the range of verbal conflict stimulants. The latter include questions, functioning in uncooperative discourse based on confrontation, dominance of the speaker over the addressee, breaking norms of politeness. Such questions realize a speech macro-strategy of impoliteness. However the conflictogenic potential of a question was not an object of the special investigation. The article claims that both direct and indirect interrogative speech acts can stimulate the beginning and development of the conflict. Direct interrogative speech acts perform these functions if they do not correspond to the norms of politeness and intrude somebody's privacy, stimulating the strategy of communicative sabotage. Indirect interrogative speech acts in uncooperative discourse have numerous illocutionary forces and realize speech strategies of verbal aggression, communicative sabotage, discreditation of the opponent and invective strategy. Both questions-stimuli and questions-reactions can serve the means of the realization of the strategies in question. The article reveals speech acts, having a form of a question and corresponding to each of these strategies. It lays the foundation for the investigation of speech acts which ought to follow impolite questions in order to neutralize their conflictogenic potential.

Key words: *question, conflict, uncooperative discourse, speech strategy, interrogative speech act, impoliteness.*

Natalya B. Boeva-Omelechko – Ph. D. of philology, professor. Institute of Philology, Journalism and Cross-Cultural Communication. Southern Federal University. Phone.: 8-903-401-34-41; e-mail: boeva1961@yandex.ru